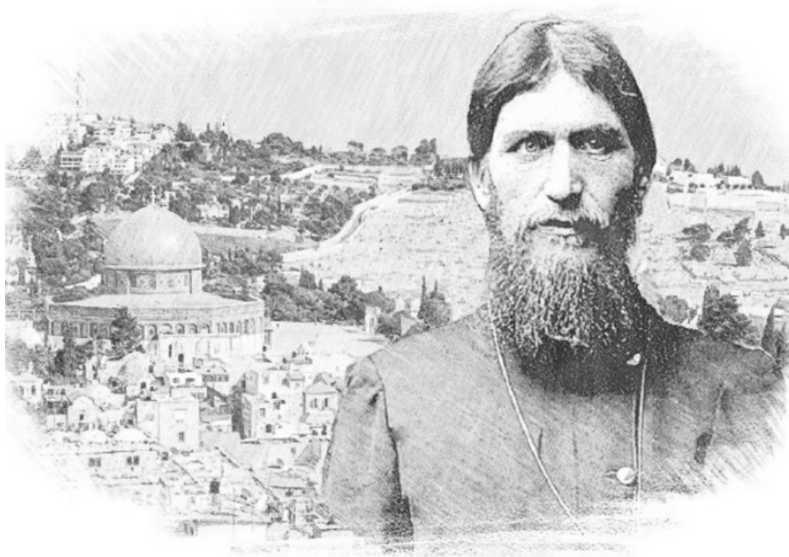

Валерий Иванов

**Как Григорий Ефимович стал
Распутиным**

12+

Валерий Иванов
Как Григорий Ефимович
стал Распутиным

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42598028

SelfPub; 2021

Аннотация

Художественный исторический очерк о том, как мужик родом из тобольской области, обладающий паратехническими способностями, Г. Е. Новых стал царским любимцем из последних правителей Российской Империи и фаворитом ее Величества А. Ф. Романовой, Распутиным Г. Е.

Валерий Иванов

Как Григорий Ефимович стал Распутиным

Новых, мужчина сороков трех лет, шел по разъезженной колесами тарантаек и крестьянских телег дороге вдаль от тобольского леса. Его путь пролегал, казалось, по бескрайнему после сенокоса полю, где, считал он, начнутся его самые долгожданные вопреки всему злоключения, пустота радости и его конец. Жестокий, предвиденный, но не предотвращенный им же самим его конец жизни. И сюда, где живет его семья, он больше не вернется.

На небе, словно поддерживая его шествие, летели легкой беззаботностью кучерявые облака, меняя свои формы. Погода в этот день на середину июля выдалась весьма теплой. Не настолько пекло, но Григорий Ефимович хотел вот-вот снять свою поношенную, но чистую рубаху, но только скинул пояс, накинул на плечи легкую тужурку и спешил неизведанно куда, но только знал, ему нужно туда, в столицу, к Алешеньке.

Известие о том, что цесаревичу стало вновь плохо, написала одна из фрейлин государыни. В следующем времени покинутая Анна, так звали ее, озлобленная на растленного столичной жизнью великого старца, как называли его при дво-

ре последнего государя тонувшей в предательстве народом России.

Григорий шел, не поворачивая головы назад. Пару часов он расстался с женой, глянул в преданные очи дочери и вышел за дверь.

Разговор с женой был коротким.

– Так надо, Прасковья, – сказал он, едва сдерживая ее порыв.

– Ну и катись к ней, к этим... фифам дворцовым... – Прасковья не могла подобрать слов, ругательств, для того чтобы достучаться до мужа.

Желание высказать Григорию о неправоте его поступков перебивались с его планами. В тот же момент его жена понимала: раз мужу так угодно, значит так надо, значит так надо не только ему, но и всей России. Хотя страна для нее ограничивалась одним хозяйством, сударушками-сплетницами, настоящими подругами Марией и Павлушей, ее сестру звали Паша.

Все же обнять на прощание Григорию свою жену удалось. Она была у него сильная женщина, давно привыкла к его фривольностям, выпивке, так же, как понимал ее и сам Нюх, поддерживал. Раз надо было с мужиками идти косить траву, значит надо, раз надо дверь подрубить, значит надо. Хозяйство он вел исправно, что собственно и требовалось от мужика. Остальное дело бабье.

На распутье, там, где чаще ходили повозки в город, Гри-

горий Ефимович планировал ожидать любую попутку. Но до развилки оставалось пути около часа, не меньше. В это время он шел, словно устремленный. Его там ждут, он там нужен. Хотя желание повернуться, остаться оставалось. Остаться с теми людьми, которые его не понимали. В прошлом месяце его едва оставили в живых односельчане по поводу воровства коней по обвинению подложно. Григорий никогда не брал чужого. В поле его заметила дочь, лежащего, окровавленного, тем и облегчила его состояние. В этот момент он едва не проклял всех тех, кто окружал его. Но то, что он оставил семью, ни сравнивалось с той ролью, которую он выдумал сам. А Прасковья, она женщина дальновидная, отчасти привыкла тянуть быт и дом.

На свое отступление, однако, он все же желал испытать поработительный час и ощущение невзгод одиночества и предательства односельчан. К этому времени близился раскол среди населения, где зажиточные самые мелкие крестьяне будут ощущать на себе разорение своих хозяйств.

– Григорий Ефимович, – его окликнули.

Это был худощавый, на вид двадцати пяти лет мужчина, на носу у него болтались круглые очки.

– Я вас все догнать не могу, – заискивающе всматриваясь в небритое лицо Новых, говорил молодой человек.

Мужчина не понимал его, но остановился, пытливо выискивая знакомых сельчан. Нет, этого человека он не знал.

– Я с вами хотел задержать попутку, вы ведь в город?

– Да, – ответил Новых.

– Ну, пойдёмте, – сказал юноша, и незаметно для своего попутчика оглядел краем взгляда пустошь скошенного поля.

– А как семья, Григорий Ефимович?

Новых пожал плечами, у него не было особого желания делиться с незнакомыми ему людьми, но тот выявлял благо к их общению, лицо его хоть и казалось хитрым, но располагало к откровению.

– Нормально, недовольна только вот Прасковьюшка... Да и доча, не знаю, как будет расти без отца-то, – словно задумавшись, глядя вдаль, Григорий вновь двинулся вперед.

– А вы ее к себе потом возьмите, – посоветовал незнакомец.

Григорию моментально совет понравился. Он обратил взгляд на молодого человека, стараясь читать его мысль.

Нет, на добродельного и чистого попутчика он все же не тянул. Тогда что же этому человеку от него нужно. Григорий вновь остановился, пытаясь проникнуть в его сущность, как часто он это делал, чтобы быть уверенным, что этот человек ему не навредит. Нет, истечения вреда от него не следует, но ощущение необходимости его в нем заставляет чем-то впечатлитель от его сущности. Но что? Гадал он.

– А вы, собственно, кто будете? – спросил Новых.

– Ох, простите меня великодушно, Николай Проскурин, заместитель государственного учреждения по иностранным делам.

Григорий вновь смутился. Ведь, бывая во дворце и леча Алексея, ему никогда не приходилось слышать о таких формах государственного управления.

– О, – догадался об этом незнакомец, – эта профонтация была создана недавно, по указу самого Николая!

Проскурин, казалось, гордился своими делами государственными.

– Она включает...

– Да бросьте вы, мне это не интересно, – перебил его НОВЫХ.

Григорий продолжил путь, оставив спутника. Нужно было успевать в город до вечера. К семи вечера оттуда отправлялся воз, следовавший на станцию, а оттуда поезд шел до самой столицы.

Он не заметил, но почувствовал ехидство со стороны этого Николая, однако, не встретив ощущения желаемого физического помешательства к его стороне со стороны незнакомца, буквально бросил вызов Проскурину тем, что оборвал его речь, и тем, что оставил его одного на дороге.

В этот момент незнакомец искал повод вновь заговорить с Григорием. Такова была поставлена ему задача, задача подбить этого попутчика и склонить его на свою сторону. Конечно, Проскурин лгал. Никакой профонтации не существовало. А существовал заговор против всего человечества, являвшегося подданством Российской империи.

Германия. 1914-й год. Канцелярия внутренних дел Герма-

нии, новый кайзер Теобальт Б-Г. только что отпустил из своего кабинета состав делегации по внутренним делам страны. Теперь оставалось сделать несколько звонков. Он подошел к аппарату. Набрал на табло несколько цифр. Диск сделал два оборота.

– Соедините меня с шерифом Граммером. Шериф Граммер, – кайзер, казалось, источал яд в желваках, но не придавал этому значения.

– Что там из внешних данных по этому... да, учащемуся... как его... да, Ульянов. Так. Так. Да. Да. Ну, дайте ему денег, сколько надо, мне во что бы то ни стало надо заявить о России!

– Что? – продолжил кайзер и внимательно принялся вслушиваться в речь оппонента.

Через некоторое время он прервал молчание, держа в руке трубку телефонного аппарата, одного из видов индустрии, находившегося в его апартаментах, которым он очень гордился.

– Дорогой шериф, вы знаете, сколько убытков понесла Германия, сражаясь за правое дело еще при ливонской борьбе, изничтоженная при Пскове? Неужели вы забыли историю, шериф? Что? Нет у нас таких средств, шериф, да и... людей. Что? Да, так точно, шериф.

На мгновение понурившись, кайзер вновь приободрился. Вновь возобновилось молчание, кайзер продолжил слушать оппонента.

– Да, действуйте, шериф, – кайзер наконец повесил трубку.

Он, молчаливо нахмурившись, но с чувством выполненной работы, занес руки в карманы солдатских брюк, заметил расшторенное окно. Направился к нему. Вид из окна представлял все ту же индустрию под названием автомобиль. Внизу рядом стояли потрепанные дорожной пылью два старых бьюика.

Его новый день предвещал к лучшим новостям не только по внутреннему устою, но и из внешних источников. Из России. Там готовилась террористическая кампания под нравственными аполитическими взглядами и лозунгами «долой самодержавие» – революция. Но он не знал, что приоритетом для российских граждан станет их собственное достоинство и судьба.

Молодой человек был одет в легкую не крестьянскую одежду, брюки с видимыми стрелками. Жакет трепался на его вполне не атлетических плечах и этим заглушал вид, что он был не по его размеру. Несмотря на это, он все равно предъявлял вид изысканного человека, сливаясь в своем неряшливом образе при поддержке общения. Скомканная белая рубаха, отчасти заправленная в брюки, подчеркивала его желание к общению с идущим впереди него человеком. Но он этого не замечал.

– Вот вы любите семью? – поравнялся с ним Проскурин.

– Что? Семью? – Григорий подхватил его, не останавливая

шаг.

Но задумался. Проскурину это и надо было.

– Ведь что есть семья. Она дает нам покой, ну время, чтобы поразмыслить, подумать, кров, очаг, – продолжал заискивать Проскурин.

– Нее, кров она не дает, это мужик создает кров, а там...
– отвечал Новых.

– Нет-нет, я не о том, я о коллективизации, – продолжал незнакомец.

– Не понял, – Новых остановился.

– Что-то у вас словечки все умные, зачем мне это?.. – продолжил он путь.

– Но как же... А, ну хорошо. А известность, в конце концов, – пытал его Проскурин.

– Что известность? Да объясните мне, – Григорий, казалось, сейчас потеряет терпение. Но он был не из таких людей. В каком-либо другом случае он просто стал бы избегать разговора, теряя терпение, а другой бы человек мог просто ударить такого приставалу. Но отчего-то именно в этот момент ему захотелось расставить все точки над «и», как обычно.

В самом деле Григорий всегда пытался найти компромисс, даже в таких никчемных разговорах, даже если они ни к чему не вели. Ведь вольнодумиям, приведшим к окончанию никчемного диспута, считал он, обеспечена победа в самых неравных спорах, но более важных, поэтому он вновь остановился, стал разглядывать собеседника, проанализиро-

вав уже, что время до перепутья остается не так уж много и что ближайшая упряжка может появиться как раз, когда они с незнакомцем появятся в нужном месте. Даже если это будет не так, считал Григорий, еще время есть. В лучшем случае, он в который раз мог заночевать и в дороге. Но что насчет попутчика, его холщонного одеяния, его действий, неужели он никуда не спешит, было даже интересно.

– Ну, хорошо, Григорий Ефимович, поясню. Давайте доберемся до города. Согласны?

Деревенскому мужику совершенно были не интересны речи незнакомца, все же он согласился из любопытства, да это и скоротит время, все сходилось.

Они дошли до перепутья. За все время ходьбы Проскурин то молчал, то говорил о какой-то ерунде. Во что входило политические взгляды, интриги, личное отношение к Западу, разговоры о какой-то войне, ему было жаль немцев и мировой порядок и, в особенности, русского народа, прозябавшего отчасти в замешательстве. О работниках думы даже озвучена была фамилия политического агрария Столыпина, но Григорий не принимал ни одну из фамилий близко, ему они были попросту не знакомы. Кроме царского фельдшера. С ним они как-то разминулись во мнениях о лечении царского сына.

Две дороги шли по разные районы поселений, по одной из них, ведущей в город, шли Новых и Проскурин, другая отводилась соседской деревне, в сторону супротив от дальней

хвои зарослей леса.

Солнце, казалось, стало еще сильнее припекать. Близился полдень. Проскурин вытер легкий пот со лба, стараясь не подавать виду, что напряжен.

– Правда, жарковато становится, Григорий Ефимович? – заискивал в ожидании тарантаса незнакомец.

Он уже не скрывал, что ему становилось очень тепло в холщонной столичной одежде посреди поля на самом солнцепеке.

– Да, ладная удалась на это лето страда, – сказал Новых. – Ну, пока мы тут одни, сказывай, мил человек, откуда знаешь меня, мое имя?

Григорий был выше собеседника на голову, его плечи могли укрыть, казалось, любого человека от солнечных лучей. Все же Проскурин умудрялся сощуриваться от солнечного света.

– Дак как же, Григорий Ефимович, вся страна, почитай, знает мудреного странствующего мужика, который может лечить руками.

– Кой еси, я бывал-то там единожды, неужто помнят?

– Помнят, Григорий Ефимович, – довольствовавшись тем, что разговор занялся, незнакомец сделал паузу, но, скорей, чтобы не обдумывать следующее, зачем он собственно здесь и был, а скорее затем, чтобы ощутить историческое значение своего общения с известной личностью, бывавшей в кругах царской семьи, пусть и выходцем из самого забуго-

рья российской империи.

Григорию Новых это нисколько не льстило, скорее, заставляло задуматься, а нужное ли дело он делает. «Хм, – мог бы подумать он, – наверное, нужное, если за ним единолично связывалась личным письмом ближайшая фрейлина царицы, которую звали Анна».

«Дорогой Григорий, – писала она, как помнил Григорий строки, обращенные к нему. – Не знаю точного Вашего имени или, если есть, должностного звания, но молва дошла до нашего царского двора, что Вы лучший знахарь в своей округе. Куда Вы пропали, нам стало не известно. Желая лишь сказать Вам, что нуждаемся Мы, цесарица Александра Федоровна, в Вашей поддержке. Ибо цесаревичу, нашему сыну Алексею Николаевичу, вновь стало нездоровится. Весть о том, что Вы находитесь в уездном городе, скорее толкнула нас на поиски. Благодарствуем, если откликнетесь. С любовью, Анна В.».

Письмо было в сургуче большей важности, поэтому недолго находилось в жандармерии полицейского участка. Догадки о разыскиваемом человеке подтвердились лишь тем, что в рекомендательном письме по просьбе о розыске человека был прикреплен вкладыш с автографом, оставленным Григорием Ефимовичем Новых такой-то губернии. Фамилия прописью была корявым почерком с литерами «Г» и «Е» и табель уездного города, подсказки были расписаны на краю помятой бумаги, в которой обычно упаковывали сто-

ловые салфетки. Он словно знал, что его будут искать.

Теперь, собравшись с духом, Григорий, пропутешествовав по миру вплоть до самой Иерусалимской земли, жил тем, что был нужен.

– Ну и хорошо, – Григорий пожал губами, – нужен, значит, – довольствовался он положением.

Он еще не знает, что судьба вернет его в родные края и вновь заставит уйти со своих мест его сердобольность, но, уже перемежаясь с гордыней, которую он как мог старался топить в будущем. Последний свой день он найдет в столице, он догадывается об этом, но в который раз был не уверен в своей уязвимости.

А сейчас, прекрасным летним днем, он ожидал повозку, которая повезет его туда, где он нужен, перемежаясь с желанием оставить обыденные места.

– Да, – как бы с солидарностью подытожил незнакомец. – Но есть одна проблемка, Григорий Ефимович, – Проскурин выдерживал паузу, вглядываясь в Григория.

Он знал, как подойти к любому человеку. Это его была чиновничья работа шпика.

В этот момент, глядя на целителя, молодой человек словно не замечал жарких лучей солнца и даже ощутил свое сопротивление им.

– Дело в том, Григорий Ефимович, – подбирал нужные слова Проскурин.

Как странно, ему не хотелось льстить этому человеку. Он

то пытливо вглядывался в глаза Новых, то, подбирая слова, бегал своим взором по окружающей их пустоши.

– Ваш образ не соответствует как бы мировой общественности.

– Не понимаю, – пытался понять собеседника Григорий.

– Ну, как вам объяснить, скажем, так. Ваша фамилия Новых, скажем так, – повторялся незнакомец, – не урядна для массовой публикации. А о вас буду писать много. У вас будет много поклонников.

– Все равно не понимаю, Николай, к чему вы клоните, мне всего лишь надо повидать одного человечка, излечить его.

– Алексея?!

– Как?.. – Григорий не стал выдавать своего помешательства,

тем самым, не зная, что уже вовлечен в психологическую игру незнакомца, а Проскурин предрешал его такой ход.

– Вы об Алексее Николаевиче, нашем цесаревиче? Ведь так, Григорий Ефимович?

Григорий колебался, отчасти он догадывался, кто перед ним: статский агент, чиновничий проныра, но слишком добротнo одетый, не таких он встречал во дворце или на набережных самого Петербурга.

– Ну, предположительно? – принял оборону Григорий.

Однако отчасти проныру это расслабило.

– Оно так и есть. Не переживайте, я должен следовать с вами до самого, скажем так, подъезда, но дело другое. У ме-

ня до вас другой вопрос, и этот вопрос мы уже открыли. Так что вы думаете, Григорий Ефимович?

В речах незнакомца ощущалась уже уверенность, а также, как ни странно, дружелюбие.

Григорий по-прежнему отрицал свое расположение к нему и держался неразумением предлагаемых вопросов. Хотя он понимал, к чему клонит юноша. И на несколько минут посчитал его пакостным человеком в своем убеждении и пронырстве в кругу политических интриг.

Однажды остановившись у одной из хижин израильской глубинки на прожитье, перед тем как побывать у стены молебна, Григорий заметил, как один еврейский мальчик наблюдал за ним, когда он обмывал стену, загрязненную жировой копотью, во дворе приютивших его хозяев взамен на небольшую помощь.

Григорий подмигнул мальчику.

– Что, сорванец, дружков своих потерял? – сказал он потечески. – Поиграть не с кем? Вон там они, за оградой виноградника, – дружелюбно показал ему Григорий, держа в руке смоченную паклю из сухой травы, – беги скорей, заждались, небось...

Несмотря на разноречие и разность в годах, люди поняли друг друга. И мальчик с криками на иврите «Сорванец. Сорванец!» обогнул монолитный забор, который отмывал Григорий, собранный невесть из чего, кирпичей, валунов, глины, покрытый известкой, смешанной с яичным белком, что-

бы нельзя было ею запачкаться. Григорий с улыбкой проводил его и принялся продолжать свое дело.

– Сорванец, – сказал Григорий, переводя серьезность между двух мужчин.

– Что, сорванец?! – не понимал его Проскурин.

При всем своем профессиональном соотношении политических игр незнакомец был просто потерян от сказанного ему. Нить предрасположения с ним, казалось, оборвалась. «Неужели надо все начинать сначала?!» – подумал в этот момент Проскурин. Но, не зная, о чем тот думает, доверяясь собеседнику и не напрасно, положение выровнял сам Григорий.

Григорий Новых, имевший свое величие проникать в сущность любого, пронизывая его сознание отчасти для того, чтобы узнать, хороший ли это человек или нет, можно ли с ним делиться откровениями, водить знакомство, дело или нет. Великим пройдохой и, скорей, зависимым человеком, но не специализированным интриганом казался ему худощавый Проскурин. Что вызывало иметь желание у Новых принять его сторону. И узнать, чем закончится все истинное желание этого юноши по основе интереса к его личности, подсадной фанат являлся для него эквивалентом истинного интереса людей к самому Новых. Вреда от незнакомца Григорий не ощущал.

Как ощутит он это однажды через два года. Но также ради забавы, отпустив в себе предосторожность к другим людям,

примет он к своей личности отпетых мошенников, алчных людей и тунеядцев. А также эти лица, которые совершенно не прагматичны по отношению к судьбам других людей, которых интересовали планы лишь собственной наживы, даже если их дела казались благодеянными для всей российской империи.

Вдали показалась телега.

– Сорванец, – пошутил Григорий, – вот такое, я предлагаю, будет прозвище обо мне для газет.

Он широко улыбался, хотя из-за его большой поросли лица, усов, сливавшихся в бороду, улыбка была едва заметна. Лишь зубы показались в его небольшой улыбке, которую заметил Проскурин.

Николай серьезно относился к своему делу.

– Вы шутите, Григорий Ефимович? – спросил он, стараясь распознать его сущность через его взгляд.

Но в сказанном что-то мешало проникнуть ему внутрь Новых. Какое-то харизматическое ощущение, которое скорее отталкивало его от этого человека. Страх не страх, но ощущалось ему, что туда, в сущность личности Григория, этого деревенского мужика, лучше не соваться. Николай вновь обратился в сторону приближающейся телеги.

Через некоторое время, пока путники молчали, ожидая транспорт, словно это было нечто, что должно привести их, этих путников, к одному, наконец телега поравнялась с ожидающими его людьми, в голове сидел понурый мужичок лет

за пятьдесят. Он уже понимал, зачем здесь на распутье стоят двое незнакомых. Издали он уже приметил одного, предположив по одежде, что тот был из односельчан, но вот своих был он или являлся соседским, извозчик гадал. Но, подъехав, Григория Новых он не признал.

– Здорово, соседушка, – первым заговорил Григорий, когда телега приостановилась на его просьбу.

– Ну, – понурый взгляд извозчика был еще и подозрительным, он не особо доверял тем, кто находился на дороге.

Но вид обоих встретившихся ему людей не выявлял особого беспокойства.

– А не довезешь ли нас, любезный друг, меня с другом моим до городского уезда? – Григорий, так же улыбаясь, старался показать себя еще с лучшей стороны.

– Мы вот тебе краюшек хлеба дадим. Уж не серчай, дорогой, монет у меня нет, все жене да детям оставил, сам вот хочу до столицы проехать.

– Вот и товарищ ихней, – Новых оглянулся на Проскурина, подмигнув ему, не снимая улыбки, – со мной за компанию.

Человек в телеге недолго присматривался к путникам.

– Так садись уж, чего... довезу, коль соседушка, – сказал он.

– А из Покровского, что ль? – спросил извозчик, обращаясь к Григорию, пока путники устраивались на тележку.

Григорий, закинув суму через легкие борта, обойдя с Ни-

колаем упряжку, который запрыгнул с конца телеги, устроился рядом с извозчиком.

– Так да, соседушка. А сам как ведь не на рынок? Чай, гляжу, товара-то нет? – поддерживал беседу Григорий.

Извозчик натянул вожжи, лошадь легким шагом тронулась с места.

– Да, был бы товар, сено одно, да и то на рынке нынче на продажу не выставляю все, корма какие-то новышные, торгуют. Сейчас вообще все что-то меняется, я заметил. А чего пустой? Да за приезжими от городского уезда. Баба моя с сестрой... та понаведаться решила, пожить годок, не знаю, что ее тут в эту глухомань надоть.

Да прихворала чем-то, а тут, сказывают, целитель местный есть не от нашего села, а вашего, видно, – извозчик повернул голову показать, что обращается к собеседнику, подчеркивая тем самым, что вопрос был глубоким к познанию. – Чай, знаешь такого?

Григорий не сразу ответил. Сделал вид, что думает.

– Да, можа и встречал, – ответил Новых, догадываясь, о ком идет речь.

Речь шла о нем. Проскурин старался скрывать, что знает о свойствах Григория. Он то глядел на Новых, то отбрасывал от него взгляд по сторонам.

Лечить людей Григорию способность оказалась давно, но открывать он ее стал для людей недавно.

Однажды после глубокой молитвы под вечер в его дом

вбежало несколько хлыстов, людей, занимающихся самобичеванием и прелюбодеянием, сославшихся на законы Библии, что все в этом мире угодно, кроме убийства. В последующем их называли сектантскими встречами, где допускались разные телесные действия и оргии.

Григорию было восемнадцать лет, с названной женой у них был ребенок, дитя они лишились по вине одного из сектантов. Григорий в ярости лишил виновника жизни. После долго мучился этим, ходил в церковь чаще, чем самый набожный праведник. Вплоть до сильного истощения организма от голода. Пытался загладить свою вину.

Батюшка, поп, замечая молящегося юношу в углу у иконы после закрытия церкви, бывало, предлагал для молитвы свою келью, окруженную по углам разными образами святых. Сам отправлялся в дом своей жены. Батюшка никогда не говорил ни с кем об этом, понимая терзания юноши.

Прошли года. Григорий, казалось, отошел от своих поступков, стал заниматься привычными хозяйствами, с женой они обвенчались. Поставили печать в комендатуре. У них родилась первая дочь Матрена.

Впервые Григорий узнал о своем сильном действии дара, когда одному из сельчан в поле при сенокосе при заточке острия резануло серпом по руке. Григорий не сразу прознал об этом. И после того, как человек прошел мимо него с наскоро забинтованной лоскутом рубахи рукой, остановил его.

– Мирон, что несешь в руке, кусок мяса, небось? – спро-

сил шутиливо у него будущий целитель.

Тот не ответил. Часть сельчан не особо поддерживали друг с другом общение, и с Григорием держали контакт, лишь приветствуя как земляка.

– Постой, Мирон, – Новых все же сразу понимал, что за беда случилась у человека.

Тот остановился, повернул голову с выражением «чего тебе?».

– Дай глянуть.

Новых словно знал, что делает. Он принялся развертывать окровавленную ладонь. Мужчина уже не сопротивлялся. Ему казалось, что вот-вот с ним все закончится. Григорий обнял своими мощными ладонями его руку. Закрыв глаза. Казалось, в этот момент он передает ему свою энергию, чтобы тот не пал духом раньше времени. Через некоторое время, отняв ладони от его руки и словно сделав свою работу, развернулся и принялся за свою естественную работу. Кровь на руке односельчанина застыла.

Конечно, мужчина был удивлен, и первым человеком, кому он сообщил об этом чуде, была его жена. Потом разнеслось по округе.

Известие о том, что Григорий Новых исцеляет, снимает любую боль, останавливает кровь, даже вправил болезненный вывих у одного из местных мальчишек, породило словно два лагеря, одни были за него, другие пытались забить его известность. Чаша терпения переполнилась после обви-

нения его в воровстве коней из одного барского уголья. Побитый своими же соплеменниками, озлобленный на несправедливость, Григорий пустился в путь. Вот тогда, желая всем добра, и попрощался впервые со своей семьей и ушел подальше от своих невзгод Новых Григорий. Где судьба его привела впервые к царскому престолу.

Несколько минут ехали молча. Каждый думал о чем-то своем. Подталкивая вверх своих слегка покачивающихся мирных пассажиров, повозка поскрипывала на неровностях дороги.

Григорий, в свою очередь, гадал, правильно ли он поступает. Переведя задумчивый и хитроватый взгляд от свежего покошенного поля на молодого человека, посчитал странным его поведение все узнавать, однако интуитивно полагая, что тот был весьма бескорыстен. Он снова повернул голову на пашни. Хотелось петь. Но на трезвую голову он как-то стеснялся перед малознакомыми людьми и откинул эту идею.

В голове у молодого шпика в этот момент действительно не было никаких самовыгодных планов. Об одном он единственном думал, как представит в рапорте управлению по внутренним делам царской комендатуры некоего мужика. Не просто мужика, а целителя, известного даже до коронованной четы.

«Ну, Новых... – гадал он. – Но как-то слишком амбициозно, вызывающе, что ли... Да, это слишком просто... Григо-

рий, Ефимыч... ну, Ефимович как-то ладно, да и особо задумываться над этим...»

– Распутин! – утвердительно произнес молодой человек, глядя на удаляющуюся дорогу от перепутья, где они ожидали транспорт.

– Что? – спросил его оживленный Григорий.

Шпик, обрадованный тем, что ему наконец удалось решить задачу, поставленную командованием. Но выдавать себя Николай не спешил.

– Э-э, помните, о чем я с вами говорил, Григорий Ефимович, до того как мы сели в телегу?

Новых пожал плечами. Они много говорили, в основном, о политике, подметил Григорий в своей памяти и... он сам хотел догадаться, к чему клонит этот юноша.

Проскуруину это и надо было. Он знал, как управлять людьми, которые сами к тебе тянутся, добродушие – самое незащитное чувство среди миллиона таких же, как другие люди, но являют собой к большому расположению, нежели упрямыцы или лжецы. За это и цеплялся разведывательный сыщик.

– Ну... Ну?.. – улыбался он, стараясь пододвинуть тему для разговора интересующему его человеку.

– О том, кому легко спать на царском ложе? – пошутил Григорий.

– Да нет же, Григорий Ефимович. О вашей фамилии.

– Что с моей фамилией не так?

– Ну, как же?! – Николай не понимал, почему Новых его не понимает. – Ваша фамилия Новых никак не гармонирует с вашей линией судьбы, ее нужно немного подправить.

Новых еще больше удивился. Во внутренних интригах страны он старался не принимать участия, к тому же был мало знаком с этим проявлением. До этого момента.

– Я придумал вам новую фамилию.

Григорий привыкший ко всему, даже если его имя назовут по-другому.

– Ну и как? – спросил он, интуитивно считая, что она ему уже подходит, так как считал, что от Проскурина не будет подвоха, казалось, он изучил его основательно.

– Распутин, – довольствовался Николай.

– Распутин?! – удивился Григорий.

– Да, – коротко ответил Проскурин.

– Почему так? – Григорий поистине удивлялся.

Но своим проникновенным взглядом он мог уцепиться за любую мысль, имеющую отношение к его личности, и, если нужно, дать быстрый ответ.

Проскурин, отвечая скромной улыбкой, пожал плечами.

– Думаю так хорошо, – сказал он.

В ответ ему новоявленный гражданин Распутин так же пожал плечами. «Пусть будет так», – подумал он.

Телега с угрюмыми на вид извозчиком и двумя странствующими людьми продолжала свой путь. Один из них путешествовал не по своей воле. Другой, как ему казалось, по воле

всех людей.

Григорий полностью ему доверял. Однако не догадывался, что судьбы их разойдутся, и законченное дело царского чиновника уйдет в бытие. В конце концов, Проскурин примет другую веру, народную, коммунистическую и под другой фамилией спустя пять лет будет возглавлять однотипный отдел в народном комиссариате при другой уже России, не имперской. А федеративной. Спустя годы попадет он на фронт в действительности вести боевые действия с немецкими войсками. Крестьянин Новых не доживет до расстрела царской семьи, о чем он не раз предупреждал распадающееся Временное правительство. А сейчас он отправился туда, где его ждут – будущего новоявленного целителя всея Руси Григория Ефимовича Распутина.

Для изготовления обложки использована художественная работа автора